

РАЗДЕЛ VIII

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

*Янкель Гутманович СОЛОДКИН —
зав. кафедрой истории России Нижневартковского
госуниверситета, доктор исторических наук,
профессор*

УДК 093/1.034

К ИСТОРИИ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВЕКА

АННОТАЦИЯ. Конец XVI в. может считаться особым этапом в развитии сословного представительства Московского государства. На это время приходятся первые избирательные Земские соборы, из которых наиболее значительным стал собор 1598 г., и тот — едва ли не единственный — который сделался органом оппозиции режиму Б. Ф. Годунова (1586 г.).

The end of the 16th century can be regarded as a landmark in the development of social group representation in Muscovy. It was the epoch of the first elected Land Councils, from which the most significant was that held in 1598 alongside the 1586 Council, the latter being nearly the only one to become a body of opposition to B. F. Godunov's regime.

В середине-второй половине XVI столетия в России зарождается институт Земских соборов. Определение их функций и места в политической системе страны продолжает оставаться предметом острых дискуссий [1]. Не раз высказывавшиеся допущения о том, что помимо соборов, которые состоялись в 1549, 1566 и 1598 гг., созывались и многие другие, особенно в середине 1570-начале 1580 гг., затруднительно признать обоснованными [2].

Е. Н. Ардабацкий за известие о Земском соборе принял разрядную запись, согласно которой 25 декабря 1586 г. царь Федор Иванович, патриарх Иов, весь освященный собор и все бояре «приговорили», «как ему, государю, стояти против литовского короля и свейского и как ему своих украин беречи от крымского царя» [3] (С этой записью нетрудно сблизить другое сообщение «разрядов» — о «приговоре» 3 мая 1601 г. царя Бориса, его сына Федора, освященного собора во главе с патриархом Иовом и всех бояр насчет обороны «польских» уездов и предстоящего похода на Казы-Гирея [4]. Кроме того, 1 июня 1591 г. «вселенский собор» с участием царя, патриарха и всего «синклита» установил общерусское празднование памяти Иосифа Волоцкого [5]). Судя по приведенному свидетельству, среди участников совещания, на котором рассматривались ключевые вопросы внешней политики (как и в конце Ливонской войны, стране угрожала борьба разом с Речью Посполитой и Швецией, следовало считаться и с опасностью крымского вторжения), отсутствовали окольные, да и младшие члены Боярской думы, другие представители столичного дворянства, не говоря уже о приказных, провинциальных служилых и посадских людях [4]. Стало быть, причислять состоявшееся в Москве в декабре 1586 г. при участии «святоцаря» Федора совещание к Земским соборам опрометчиво.

Более оправданным представляется включение в их ряд того «совета», на котором, если верить Хронографу второй редакции (1617 г.), рассматривалось предложение о разводе «просиявшего от поста» самодержца с Ириной Федоровной — сестрой конюшего Бориса Годунова. Как читаем в хронографической статье, в 1585-86 г. «премудрый граматик» митрополит Дионисий, князь Иван Петрович Шуйский и другие бояре, а также купцы, включая гостей, «учиниша совет и укрепилася между себе рукописанием» бить челом Федору Ивановичу о расторжении оказавшегося бездетным брака и повторной женитьбе; царский шурин, однако, сумел «растерзать» «сих совокупление»: низложил «первосвященителя», сослал и «зле уморити повеле» Шуйских, «аки буря зелная разметает» многих «митрополичьих и княжих советников» [6].

По мнению Р.Г. Скрынникова, совещание, созванное Дионисием и И.П. Шуйским (который по воле Ивана Грозного стал одним из опекунов его «благоюродливого» наследника), было достаточно авторитетным и представительным; участие столичных гостей и других купцов придавало «совету», добивавшемуся отстранения от власти Бориса Годунова, «земский» характер. Видный историк относит это совещание к числу соборов, хотя отмечает его своеобразие. В оценке Р. Г. Скрынникова прошение о разводе, поданное царю Федору, было равнозначно соборному приговору [7]. (По словам исследователя, челобитчики «строго придерживались московских традиций, согласно которым бесплодие жены считалось достаточной причиной» для расторжения брака [7]. Однако занимавший новгородскую митрополичью кафедру в 1626-1634 гг. Киприан Старорушанин утверждал, что супругам, у которых долгое время нет детей, запрещается развод, «жити им вкупе и до смерти». Эта норма в целом соответствует каноническим правилам [8]). На взгляд В.И. Корецкого, к составлению коллективной челобитной Федору Ивановичу, инициаторами которой выступили И.П. Шуйский и Дионисий, привлекались верхи московского посада; при этом противники Бориса Годунова сумели заручиться поддержкой части столичного дворянства. Просьба о разводе с Ириной была подана «освятованному» государю вслед за тем, как в мае 1586 г. Шуйские достигли соглашения с правителем, к осени того же года относится разгром оппозиции в Москве [4]. В представлении Г.В. Абрамовича Федору Ивановичу вручили челобитную после назначения в мае 1586 г. А.И. Шуйского на «береговую службу»; когда Борис примирился с князьями Суздальского дома, он расправился с руководителями волнений посадского люда, «а затем отстранил от престолов» Дионисия и крутицкого архиепископа Варлаама [9]. По утверждению Л.Е. Морозовой, попытка развода царя была предпринята осенью, накануне низложения этих иерархов 13 октября 1586 г., а выступление Шуйских против Годунова относится к исходу лета, т. е. 22 июля того же года Иван Петрович (прославившийся тем, что сумел отстоять Псков от войск Стефана Батория) разбирал местнический спор Р. Алферьева-Безнина с Ф. Лошаковым-Колычевым [10]. Вопрос, в чем состояло такое выступление, если не в попытке расторгнуть брак «крестоносного» венценосца с сестрой Бориса, исследовательница обходит.

С процитированной статьей Хронографа редакции 1617 г. перекликается свидетельство Киприана, до последнего времени не привлекавшее внимания ученых, обращавшихся к политической истории России начала царствования Федора Ивановича. В «церковно-судебных определениях» новгородского владыки сказано, что Дионисий и Варлаам «на соборе приговорили царицу Ирину за безчадородие постричи, и за то митрополит послан на Тифину в смиренье, тамо и скончася; а архиепископ крутицкий Варлаам сослан такожде на Валам, да тамо и погребен бысть» [8]. Кроме того, что здесь приводятся оригинальные сведения

о местах ссылки и смерти Дионисия и Варлаама Пушкина (по другим источникам, сообщениям которых обычно следуют ученые, опальных владык отправили в новгородские Хутынский и Антониев монастыри [11]), любопытно упоминание о посвященном постригу Ирины приговоре. Последний, возможно, приняли по инициативе митрополита и крутицкого архиепископа на церковном соборе, предшествовавшем Земскому [4]. На довольно же представительном совещании, сближаемом или отождествляемом Р.Г. Скрынниковым с Земским собором, этот приговор, санкционированный главой русской церкви, не исключено, был лишь оглашен. (Заметим, что сохранившиеся данные противоречат утверждениям видного историка, будто собор созывался Ф.И. Мстиславским, сестру которого Шуйские обещали сделать царицей, а отец этого служилого князя и его сторонники намеревались развести царя Федора с Ириной [7]. Такой замысел возник скорее всего не ранее 1586 г. [12]).

Как полагает Р.Г. Скрынников, в ходе противостояния «партий» Шуйских и Годуновых в 1586 г. решался вопрос о путях дальнейшего развития страны [7]. Роль собора, который сопоставление двух независимых, хотя и относительно поздних источников позволяет признать Земским, оказалась при этом весьма существенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Шишкин И. Г. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века. Тюмень, 2003. С. 127-130.
2. Горсей Дж. Записки о России: XVI-начало XVII в. М., 1990. С. 23, 24, 180-183, 209 и др.
3. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С. 378-379; Ардабацкий Е. Н. Церковь и государство на земских соборах XVI-начала XVII века // История России: Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 246.
4. Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI-начала XVII в. М., 1986. С. 42.
5. Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., 1903. С. 116-117. «Вселенским» порой называли церковный собор. См., напр.: Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 464.
6. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI-начало XVII веков (далее — ПЛДР). М., 1987. С. 320. Н. М. Карамзин, комментируя этот рассказ (повторенный в Латухинской степенной книге), неточно писал о том, что составители челобитной о разводе «утвердили оную целованием креста».
7. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 33, 39. Ср.: С. 41; Он же. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 35, 118; Он же. Святители и власти. Л., 1990. С. 263; Он же. Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск. 1991. С. 347; Он же. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск. 1998. С. 546; Он же. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов». Исторические реалии // Российское государство в XIV-XVI вв.: Сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 556, 557 и др.
8. Церковно-судебные определения Киприана, митрополита новгородского // Православный собеседник. Казань, 1861. № 11. С. 346; Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 493, 529; Покровский Н. Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1981. Т. 36. С. 94-95; Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // Там же. С. 376.
9. Абрамович Г. В. Князя Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 119.
10. Морозова Л. Е. Федор Иванович // Вопросы истории (далее — ВИ). 1997. № 2. С. 55, 56; Она же. Василий Иванович Шуйский // ВИ. 2000. № 10. С. 75; Она же. Два

царя: Федор и Борис. М., 2001. С. 89. Вопреки мнению исследовательницы, А. А. Зимин не датировал подачу «челобитья» о разводе маем 1586 г. См.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 138.

11. Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 348, 449; Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 14. С. 37; ПЛДР. С. 320.

12. Зимин А. А. В канун грозных потрясений... М., 1986. С. 106.

*Василий Иванович АЛЕКСЕЕВ —
доцент кафедры теории и истории государства
и права, кандидат исторических наук*

УДК 343.8 (470(091))

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА (1872-1917 ГГ.)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные направления пенитенциарной деятельности в местах лишения свободы и меры по формированию уголовно-пенитенциарной системы и ее стратегии в России (1872-1917 гг.)

The article deals with the essential tendencies of penitentiary activity in prisons and ways of forming criminal and penitentiary system and its strategy in Russia (1872-1917).

Пенитенциарная политика уголовно-политического периода в России (1872-1917 гг.) открывала перспективы в ее осуществлении, поиске новых форм в пенитенциарно-педагогическом воздействии на заключенных. Законодатель при введении института пенитенциарно-педагогического воздействия в уголовно-пенитенциарное законодательство учитывал, что к уголовной ответственности в виде лишения свободы привлекалось с каждым годом все большее количество преступников. Кроме того, увеличение числа привлеченных к тюремному заключению свидетельствовало о наступившем пролетарском этапе в революционно-освободительном движении. Это вынуждало российское правительство считаться с объективным характером происходящих внутри страны событий, с требованиями представителей различных групп населения о гуманизации уголовных наказаний.

Развитие пенитенциарной мысли, в которой выдающееся место принадлежит принудительному лишению свободы путем заключения, указывало на необходимость оздоровления условий содержания арестантов и на этой основе — непрерывного влияния на их поведение. Следовательно, сосредоточение внимания «на изучении и установлении средств и способов борьбы... с индивидуальным фактором преступления» [1; 4], пенитенциарной политикой уделяется всестороннее внимание. В российской пенитенциарной науке концепция пенитенциарной политики являлась самостоятельной правовой категорией, соединяющей различные структурные элементы. По этой причине формирование стратегии уголовно-пенитенциарной системы при изложении ее содержания, по мнению автора, могло быть ограничено лишь правовыми категориями структурно-понятийного ряда.

Категории понятийно-функционального ряда объекта исследования не включаются в элементный состав пенитенциарной политики. Вместе с тем функциональный элемент в ходе правореализации оказывает существенное влияние на состояние уголовно-пенитенциарной системы и формирование ее стратегии.